

Чиж Владимир Федорович

**Биологическое обоснование
пессимизма**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 61
ББК 5
В57

В57 **Владимир Федорович Ч.**
Биологическое обоснование пессимизма / Чиж Владимир Федорович – М.: Книга по Тре-
бованию, 2023. – 132 с.

ISBN 978-5-521-30251-2

ISBN 978-5-521-30251-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ясный и опредѣленный отвѣтъ, разъясняетъ памъ, чего больше на землѣ страданія или наслажденія.

Народная мудрость и философія сравнивали двѣ величины, не поддающіяся измѣренію—количество страданій и количество удовольствій; такъ какъ мы не можемъ измѣрять эти величины, то не могло быть и окончательнаго точнаго рѣшенія вопроса. Правда, для громаднаго большинства доступно непосредственное сравненіе этихъ двухъ величинъ, и потому всегда и всюду большинство были пессимисты; но сравненіе на глазомѣръ, безъ какой либо мѣрки, не убѣдительно, и потому столь гениальный мыслитель, какъ Лейбницъ, легко могъ создать гипотезу, изъ которой вытекало, что наслажденій *должно быть больше, чѣмъ страданій*. Доводы Лейбница были такъ убѣдительны (конечно, въ виду превосходства его умственныхъ силъ), что даже такой тонкій и трезвый умъ, какъ Вольтеръ, былъ увлеченъ доказательствами Лейбница. Кандидъ Вольтера доказываетъ, что Вольтеръ находился подъ вліяніемъ ученія Лейбница; только этимъ увлеченіемъ можно объяснить, что Вольтеръ могъ считать, что исторія Кандида опровергаетъ оптимизмъ; къ сожалѣнію, судьба Кандида настолько хороша, что громадное большинство не смѣетъ и мечтать о такомъ счастьи, какое выпало Кандиду. Любой врачъ могъ бы привести не одну „исторію болѣзни“, болѣе убѣдительно доказывающую, что страданій больше, чѣмъ наслажденій. Вольтеръ своимъ остроумнымъ и гениальнымъ, но не убѣдительнымъ опроверженіемъ оптимизма указалъ, что для рѣшенія спора, тянущагося нѣсколько тысячелѣтій, недостаточно здраваго смысла даже гениальныхъ людей, а необходимы знанія, наука. Тѣми аргументами, которыми владѣетъ мысль, не вооруженная знаніями, рѣшить этого вопроса не могли самые гениальные мыслители, между тѣмъ біологія дастъ намъ самый ясный и категорическій отвѣтъ.

Считаю необходимымъ замѣтить, что я берусь за рѣшеніе этого вопроса, вполне сознавая свое ничтожество по сравненію съ Лейбницемъ и Вольтеромъ; но въ томъ и состоитъ

великое значеніе знанія, что оно составляет непобѣдимое оружіе въ самыхъ слабыхъ рукахъ, и обыкновенный человѣкъ, вооруженный этимъ непобѣдимымъ оружіемъ, сильнѣе самаго гениальнаго, безъ оружія. Знаніе болѣе демократизировало общество, чѣмъ огнестрѣльное оружіе; съ ружьемъ въ рукахъ крестьянинъ сталъ почти равенъ могущественному рыцарю; знаніе доступно всякому, всякій можетъ имъ пользоваться и для человѣка, вооруженнаго знаніемъ, нѣтъ авторитета, какъ для человѣка съ ружьемъ въ рукахъ нѣтъ болѣе сильнаго. Вотъ почему я рѣшаюсь заняться рѣшеніемъ вопроса, не разрѣшеннаго самыми гениальными мыслителями.

II.

Для того, чтобы рѣшить, чего больше на землѣ—страданій или наслажденій—нужно ихъ измѣрять; только этимъ путемъ можно исполнѣ точно опредѣлить, кто правъ—пессимисты или оптимисты.

Измѣрять страданія и наслажденія, т. е. чувствованія при современномъ состояніи психологіи мы не можемъ; конечно, каждый взрослый знаетъ, что наслажденія никогда не бываютъ такъ сильны, какъ страданія; даже такой пустякъ, какъ боль зуба, вызываетъ такія сильныя страданія, что воспоминаніе о нихъ живо сохраняется на всю жизнь; рѣдко кто не перенесъ какой либо тяжелой болѣзни и потому знаетъ, что страданія интенсивнѣе наслажденій. Такъ какъ громадное большинство человѣчества измучено трудомъ и нуждою, то не можетъ ни интересоваться вопросомъ о томъ, чего больше—страданій или наслажденій, ни дать яснаго и точнаго отвѣта; мыслящее-же меньшинство находится въ исключительно благоприятныхъ условіяхъ, и потому не мало лицъ, утверждающихъ, что хотя наслажденія и не бываютъ такъ интенсивны, какъ страданія, но за то ихъ гораздо больше; эти счастливыя утверждаютъ, что вся жизнь состоитъ изъ наслажденій, прерываемыхъ иногда страданіями, интенсивными, но кратко-

временными, и потому въ суммѣ наслажденія составляютъ большую величину, чѣмъ страданія. Такъ какъ никто объективно не можетъ доказать, чего опъ больше перенесъ — страданій или наслажденій, да и самъ точно этого не знаетъ, то точнаго отвѣта на данный вопросъ быть не можетъ; кто не знаетъ оптимистовъ, ставшихъ со временемъ пессимистами? а нѣкоторые встрѣчали и пессимистовъ, превратившихся въ оптимистовъ.

Не имѣя возможности сами измѣрять чувствованія, мы должны искать причину чувствованій, т. е. органическій процессъ, сопутствующій чувствованіямъ, или какъ нѣкоторые полагаютъ, вызывающій чувствованія. Понятно, что мы можемъ полнѣе и точнѣе изучить органическій процессъ, чѣмъ психическое явленіе, потому что физиологическая сторона явленія намъ болѣе извѣстна, чѣмъ психическая. Разъ мы знаемъ, какіе органическіе процессы соотвѣтствуютъ чувствованіямъ, мы можемъ измѣрять эти органическіе процессы и тѣмъ самымъ косвенно, посредственно измѣрять самыя чувствованія. Это единственный путь, по крайней мѣрѣ при современномъ состояніи науки, для разрѣшенія поставленной задачи.

Въ наукѣ почти единогласно принято, что чувствованіе страданія соотвѣтствуетъ или вызывается всѣмъ, что задерживаетъ жизнь, что вредно для организма, для индивидуума; чувствованіе наслажденія вызывается или соотвѣтствуетъ всему, что полезно организму, что увеличиваетъ его жизнь, силу.

Говорю „вызываетъ“ или „соотвѣтствуетъ“ потому, что не хочу затрогивать чисто философскаго вопроса объ отношеніи души и тѣла; для научнаго изслѣдованія все равно, соотвѣтствуетъ ли одинъ процессъ другому, т. е. являются ли они оба параллельными проявленіями одной и той же причины, силы, субстанціи, или одинъ процессъ вызывается другимъ, какъ слѣдствіе причиной ¹⁾. Я думаю, что оба процесса суть

¹⁾ Тѣмъ, кто интересуется этимъ вопросомъ, могу рекомендовать Rehmke. Lehrbuch der Allgemeinen Psychologie. 1894.

проявленіе одной причины, что оба процесса, употребляя сравненіе Фехнера — вогнутая и выпуклая стороны одного круга, т. е. одной линіи. Для тѣхъ, кто думаетъ, что психическіе процессы не болѣе, какъ слѣдствіе процессовъ нервныхъ, все нижеизложенное имѣетъ то-же значеніе, какъ и для тѣхъ, кто раздѣляетъ мое философское воззрѣніе, потому что научное пониманіе органической стороны чувствованій одинаково у представителей обоихъ воззрѣній.

И такъ, все, что полезно для организма, вызываетъ наслажденіе, а все, что вредно, вызываетъ страданіе. Не трудно сказать, что полезно для организма. Ехнер ¹⁾ вполне справедливо говоритъ, что наши чувствованія дѣлятся на три группы. Самые важныя тѣ, которыя оберегаютъ индивидуумъ: то, что вредно, вызываетъ страданіе, и наоборотъ, что полезно для сохраненія индивидуума, вызываетъ удовольствіе. Вторую группу составляютъ чувствованія, связанныя съ инстинктомъ сохраненія рода: что полезно для сохраненія рода, вызываетъ наслажденіе, и наоборотъ. Наконецъ, третью группу составляютъ чувствованія соціальныя; человѣкъ и животныя, живущія въ обществѣ себѣ подобныхъ, унаслѣдовали способность реагировать чувствованіями наслажденія на то, что полезно для общества и наоборотъ.

Конечно, въ жизни каждаго существа наибольшее значеніе имѣютъ чувствованія первой и второй группы; пока только у цивилизованныхъ народовъ нѣкоторую роль играютъ чувствованія третьей группы, и потому я займусь, главнымъ образомъ, чувствованіями, вытекающими, какъ говорятъ, изъ само-сохраненія и стремленія сохранить родъ.

Всякое чувствованіе удовольствія или наслажденія соотвѣтствуетъ всему тому, что сохраняетъ жизнь; все живое, какъ говорятъ, стремится жить и потому стремится къ нас-

¹⁾ Entwurf zu einer physiologischer Erklärung der psychischen Erscheinungen, 1894. Ссылаюсь на это сочиненіе, потому что авторъ именно проводитъ взгляды наиболѣе распространенныя, пользуется и данными біологій и данными психологій.

лажденію или, какъ говорилъ Эпикуръ, существо идетъ туда, куда зоветъ его наслажденіе. Все живое избѣгаетъ того, что вредно для жизни, или, иначе говоря, избѣгаетъ смерти; все, что вредно для жизни, вызываетъ страданіе. Конечно, не только животныя, но и человѣкъ не знаетъ непосредственно, что ему полезно и что ему вредно, не знаетъ, что способствуетъ сохраненію его жизни и что, наоборотъ, ее разрушаетъ; но все живое избѣгаетъ смерти, бережетъ свою жизнь, потому что обладаетъ способностью испытывать страданіе и наслажденіе соотвѣтствующія измѣненіямъ, вреднымъ или полезнымъ для ихъ организма.

Въ самомъ дѣлѣ, что полезно организму, что соотвѣтствуетъ удовольствію, что вредно для организма, что соотвѣтствуетъ страданію? Для организма полезно все, что увеличиваетъ жизнь, что составляетъ жизнь; для организма вредно, что уменьшаетъ жизнь, что убиваетъ организмъ, что уменьшаетъ количество жизни, т. е. что составляетъ умираніе, смерть. Мы до сихъ поръ не имѣемъ вполне точнаго опредѣленія жизни; извѣстное опредѣленіе Г. Спенсера ¹⁾ не полно и, въ сущности, не опредѣленіе, а описаніе; не имѣемъ также и точнаго опредѣленія смерти, но мы всѣ знаемъ, что все наше существованіе есть рядъ процессовъ жизни и умиранія. Одни ткани и органы живутъ, жизнь въ нихъ даже увеличивается, напр. въ мускулахъ человѣка, правильно работающаго; другіе органы и ткани умираютъ вполне или отчасти, напр. волосы, зубы, сосуды, подверженные склерозу. Жизнь и смерть или умираніе идутъ параллельно: то одинъ, то другой процессъ сильнѣе, и наконецъ умираніе совершается въ большинствѣ важнѣйшихъ органовъ. И величайшій поэтъ и величайшій фізіологъ высказали вполне тождественныя взгляды по этому поводу; Данте сказалъ: *Del vivere ch'e un correre alla morte* ²⁾; Клодъ

¹⁾ Жизнь есть постоянное приспособленіе внутреннихъ отношеній къ вѣншимъ.

²⁾ *Purgatorio*. XXXIII. 52.

Бернаръ высказался еще категоричнѣе: „La vie c'est la mort“. Ту же мысль высказалъ Сенека: „Наша ошибка это видѣть смерть впереди насъ; она въ большей ея части уже позади насъ“. ¹⁾ Въ самомъ дѣлѣ, развѣ наше существованіе не есть рядъ процессовъ жизни и смерти: преобладаніе жизненныхъ процессовъ смѣняется преобладаніемъ процессовъ умиранія, и все наше существованіе состоитъ изъ борьбы этихъ процессовъ; въ соотвѣтствіи съ этимъ изъ смѣны чувствованій происходятъ страданія и наслажденія. Можно много сказать въ защиту этого взгляда, но повторяю—это не болѣе, какъ выводъ изъ всего ученія о чувствованіяхъ ²⁾.

Соотвѣтствіе между нарастаніемъ жизни и наслажденіемъ, усиленіемъ процессовъ умиранія и страданіемъ всякій испыталъ на себѣ: всякій знаетъ, какое блаженство онъ испытывалъ при выздоровленіи отъ тяжелой болѣзни, и наоборотъ, какъ мучительно состояніе въ началѣ всякаго тяжкаго недуга. Къ нашему счастью самыя тяжелыя болѣзни почти у всѣхъ обуславливаютъ болѣе или менѣе полное помраченіе сознанія, почему мы не испытываемъ вполне того страданія, которое вызываетъ тяжелая болѣзнь. Всякій процессъ умиранія вызываетъ, соотвѣтственно его интенсивности, болѣе или менѣе сильное страданіе; большая разниця между страданіемъ, произведеннымъ порѣзомъ острымъ чистымъ ножомъ и тупымъ, грязнымъ: въ первомъ случаѣ умираетъ ничтожное количество тканей, во второмъ, вслѣдствіе большого механическаго разрушенія тканей и введенія грязи, производящей умираніе даже отдаленныхъ отъ мѣста зараженія тканей, страданіе можетъ быть очень сильное.

Такъ какъ чувствованія есть функція нервной системы, то понятно, что процессы умиранія или разрушенія, т. е. патологическіе процессы только постольку вызываютъ страданіе, поскольку эти процессы передаются черезъ чувствующие нервы.

¹⁾ Epist. I.

²⁾ Только Fouilleé (Psychologie des idées-forces. T. I. p. 79) высказался вполне опредѣленно: le plaisir est la vie, la douleur est la mort.

Напр., выпаденіе волосъ, т. е. ихъ умираніе само по себѣ не вызываетъ страданія, но тѣ измѣненія организма, которыя обуславливаютъ умираніе волосъ, всегда вызываютъ страданіе въ формѣ головной боли, общаго недомоганія и т. п.; матка сама по себѣ нечувствительна, но патологическіе процессы въ маткѣ вызываютъ заболѣваніе всего организма и дѣлаютъ женщину несчастной. Медицина еще не можетъ объяснить во всѣхъ подробностяхъ, почему умираніе однихъ органовъ вызываетъ сравнительно большее страданіе, чѣмъ другихъ. Мы имѣемъ пока только одинъ вполнѣ точный отвѣтъ: потому, что въ мѣстѣ умиранія больше нервовъ. Но великая гипотеза Дарвина даетъ намъ право думать, что нервовъ путемъ наслѣдственнаго усовершенствованія именно больше въ органахъ болѣе важныхъ для жизни, гдѣ патологическіе процессы опаснѣе для всего организма. Напр., почему такъ болѣзненно воспаление послѣдняго сустава пальцевъ рукъ (pararitium) и мало болѣзненно тотъ-же процессъ на пальцахъ ногъ; по всей вѣроятности, потому, что пальцы рукъ гораздо важнѣе для сохраненія жизни, для борьбы за существованіе, чѣмъ пальцы ногъ; потому и распредѣленіе нервовъ и упругой соединительной ткани на пальцахъ рукъ другое, чѣмъ на пальцахъ ногъ. Почему воспаление оболочекъ головного и спинного мозга такъ мучительно? очевидно потому, что эти оболочки необходимы для сохраненія организма; воспаление плекры далеко не такъ опасно для жизни и потому не вызываетъ столь ужаснаго страданія, какъ воспаление оболочекъ спинного и головного мозга.

Справедливость этого объясненія чувствованій какъ нельзя болѣе подтверждается громаднымъ значеніемъ настроенія или общаго чувствованія. Народная мудрость давно замѣтила, что счастье, т. е. преобладаніе чувствованій удовольствія не зависитъ отъ общественнаго положенія, богатства и т. д.; всѣмъ извѣстна сказка о счастливецѣ, у котораго не было даже рубашки. Большинство народовъ считаетъ главнымъ условіемъ счастья здоровье и достаточную пищу, почему въ привѣтствіяхъ

почти всѣхъ народовъ высказывается пожеланіе здоровья и принятія пищи; дѣйствительно, счастье не зависитъ, или, по крайней мѣрѣ, зависитъ очень мало отъ общественнаго положенія, богатства и т. п. Для преобладанія чувствованій удовольствія необходимо преобладаніе жизни надъ смертію въ нашемъ организмѣ и чѣмъ это преобладаніе больше, тѣмъ больше пріятныхъ чувствованій. Понятно, что жизнь преобладаетъ надъ смертію у здороваго человѣка; для этого преобладанія необходимо достаточное питаніе, хорошій воздухъ, и потому, конечно, люди такъ много говорятъ о погодѣ; Гейне напрасно смѣялся надъ этимъ интересомъ къ погодѣ.

Въ нашемъ организмѣ при нормальныхъ условіяхъ происходитъ постоянно рядъ процессовъ созиданія и разрушенія, жизни и смерти, которые не вызываютъ ясныхъ, отчетливыхъ ощущеній и сопряженныхъ съ ними чувствованій; однако эти процессы въ ихъ совокупности вызываютъ общее чувство-ваніе, или чувствованіе, сопряженное съ общимъ чувствомъ, и это чувствованіе составляетъ безспорно главнѣйшій элементъ настроенія ¹⁾). Человѣкъ имѣетъ до обѣда другое общее чувствованіе, чѣмъ послѣ обѣда; сегодня онъ можетъ имѣть другое общее чувствованіе, чѣмъ вчера, въ зависимости отъ извѣстнаго, а чаще неизвѣстнаго ему состоянія его организма, т. е. суммы процессовъ жизни и смерти. Человѣкъ, съѣвшій лишнее за ужиномъ и дурно спавшій, встаетъ злымъ и недовольнымъ, конечно, не потому, что онъ „всталъ съ лѣвой ноги“, а потому, что, вслѣдствіе погрѣшностей діеты, въ его организмѣ процессы умиранія усилились сравнительно съ тѣмъ, что было позавчера. Здоровый молодой человѣкъ можетъ заплатить за погрѣшность въ діетѣ лишь разстройствомъ желудка и онъ скоро поправится, но болѣзненный старикъ, у котораго сосуды склерозированы, почки поражены, легкія эмфизематозны, отъ такой же погрѣшности въ діетѣ можетъ долго испытывать чувствованія страданія, потому что процессы

¹⁾ Очень интересна работа объ общемъ чувствѣ Kröner—Das körperliche Gefühl. 1887.

разрушенія въ его организмѣ могутъ быть весьма значительны.

Это общее чувствованіе при нормальныхъ условіяхъ мало измѣняется; только при значительномъ измѣненіи или внѣшнихъ условій, напр., если житель сѣвера попадаетъ въ южную страну, или при болѣзняхъ наступаетъ значительное его измѣненіе; напр., при заболѣваніяхъ сердца, печени, если даже эти болѣзни и не вызываютъ ясныхъ ощущеній со стороны заболѣвшихъ органовъ, наступаетъ значительное измѣненіе общаго чувствованія. Каждому человѣку свойственно свое собственное общее чувствованіе въ зависимости отъ состоянія его организма: есть вѣчно грустные и всегда веселые люди, есть люди съ измѣнчивымъ общимъ чувствованіемъ; безъ всякаго измѣненія во внѣшнихъ обстоятельствахъ у нихъ веселость смѣняется грустью. Врачи давно подмѣтили, что настроеніе зависитъ отъ состоянія здоровья, что здоровые, крѣпкіе люди вообще обладаютъ хорошимъ настроеніемъ, а слабые, болѣзненные люди, напротивъ, меланхолики. Внѣшнія обстоятельства играютъ ничтожную роль въ настроеніи человѣка: Фальстафъ при обстоятельствахъ, которыя измучили Гамлета, павѣрное пилъ-бы и веселился, а Гамлетъ мучился-бы положеніемъ, которое такъ было по душѣ Фальстафу. Значеніе состоянія организма для настроенія хорошо извѣстно психіатрамъ; меланхолія и манія обусловлены измѣненіями въ организмѣ вообще и въ частности въ корѣ головного мозга; меланхоликъ испытываетъ самыя интенсивныя чувствованія страданія, маньякъ упивается блаженствомъ, потому что въ ихъ организмѣ произошли соотвѣтственныя измѣненія. Ничто не можетъ образовывать, вызвать удовольствіе у меланхолика, огорчить маньяка, потому что сравнительно съ тѣми измѣненіями въ организмѣ, которыя вызвали ихъ чувствованія, всѣ другія измѣненія очень ничтожны. Въ самомъ дѣлѣ, что значить для меланхолика извѣстіе, что у него родился сынъ или что ему дали прежде желанное для него мѣсто, въ то время когда его организмъ и мозговая кора каждый день утрачиваютъ жизнь. Конечно, маньякъ можетъ страдать—зубная боль, какъ и всякій про-

цессъ умирація долженъ вызывать страданіе. Сравнительно съ тѣми страданіями, которыя испытываютъ меланхолики, всѣ остальные просто ничтожны; мы знаемъ, что тяжкіе случаи меланхоліи оканчиваются смертію отъ истощенія, несмотря на искусственное удовлетворительное питаніе.

Состояніе организма есть главная причина нашего настроенія, потому что тѣ процессы, которые вызываютъ общее чувствованіе, имѣютъ конечно ближайшее соотношеніе къ сохраненію нашей личности, суть сумма процессовъ жизни и смерти. Сравнительно съ этими процессами всѣ остальные, за исключеніемъ половыхъ, имѣютъ ничтожное, посредственное значеніе; напр. блестящіе успѣхи по службѣ могутъ періодами, на короткое время, дѣлать честолюбца счастливымъ; но самый страстный парьеристъ, съ дурнымъ пищевареніемъ, будетъ имѣть самое дурное настроеніе, какъ бы быстро ни шелъ онъ по службѣ. Извѣстны рассказы про великихъ людей, напр. про Лейбница и Канта, подавлявшихъ свои страданія, обладавшихъ будто-бы такой силой воли, что для нихъ тѣло и его страданія какъ бы не существовали; къ сожалѣнію, это просто басни: именно Лейбницъ и Кантъ были надѣлены крѣпкой организаціей, что доказывается ихъ долговѣчностью (Лейбницъ жилъ 70 л., а Кантъ 80 л., несмотря на ихъ напряженный трудъ и болѣзни). Естественнo, что люди, надѣленные такими полными жизни организмами, могли всегда чувствовать себя хорошо, быть всегда бодрыми. Всякій врачъ знаетъ, что люди испытываютъ весьма неодинаковыя страданія отъ почти одинаковой болѣзни; одинъ, повидимому, хилый, слабый почти не мучается при воспаленіи легкаго; другой—сильный и крѣпкій ужасно страдаетъ при той же болѣзни, той-же температурѣ и т. д.; эта разницa можетъ зависѣть и отъ „первовъ“—понятія неяснаго: мы говоримъ о „первности“, когда не понимаемъ въ чемъ тутъ дѣло; можетъ зависѣть и оттого, что у перваго органы надѣлены большей энергіей, большей жизненностью, процессы жизни, т. е. ассимиляціи протекаютъ энергичнѣе. Я вполнѣ понимаю, что употребляю